

УДК 811.161.1'373

Хлупина М.А.*Московский государственный областной университет***ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ СОЛЖЕНИЦЫН В ТЕКСТАХ С.Д. ДОВЛАТОВА**

Аннотация. В статье на материале художественных, публицистических и эпистолярных текстов С.Д. Довлатова исследуется прецедентное имя *Солженицын*. Имя собственное *Солженицын* рассматривается как имя-идеологема, транслирующее в текстах Довлатова отношение к знаменитому писателю – от ненависти до восхищения. Имя *Солженицын* предстаёт как мифологема эпохи, так как писатель был кумиром нескольких поколений ищущей интеллигенции. Проанализированы средства, указывающие на изменение вектора оценки в текстах Довлатова.

Ключевые слова: С.Д. Довлатов, прецедентное имя *Солженицын*, языковая личность, идеологема.

M. Khlupina*Moscow State Regional University***THE CASE NAME SOLZHENITSYN IN S. DOVLATOV'S TEXTS**

Abstract. In the article, on the material of S. Dovlatov's artistic, publicistic and epistolary texts the case name Solzhenitsyn is analyzed. Name Solzhenitsyn is considered as a name-ideologem, transferring in Dovlatov's texts his the relation to the famous writer from hatred to admiration. Name Solzhenitsyn appears as a mythologeme of the era, since the writer was the idol of several generations seeking intellectuals. Analyzed are the tools that indicate change of the vector of Dovlatov's assessment in his texts.

Key words: S. Dovlatov, case name Solzhenitsyn, language personality, ideologem.

Исследование языковой личности писателя, такой стороны, как прагматикон, предусматривает анализ прецедентных имён в составе текстов. Характер употребления прецедентных имён отражает ценностные ориентиры личности. Имя собственное относят к прецедентным феноменам, называя точечным текстом. По мнению Ю.Н. Караулова, одним из способов ввода прецедентного текста является упоминание имени автора или персонажа произведения, когда «актуализируется так или иначе весь прецедентный

текст...» [7, сс. 216–218]. Нам представляется, что актуализация происходит в случае употребления имени персонажа, а также имени писателя в значении 'автор упоминаемого текста', но не с семантикой 'писатель как личность'. «...Не все прецедентные имена могут быть символами прецедентного текста»: например, прецедентные имена *Ломоносов*, *Суворов* указывают не на художественный текст, а на набор дифференциальных признаков, входящий в инвариант представления о носителе прецедентного имени [6, сс. 83–86, 94].

В число таких прецедентных имён можно включить значимое для С.Д. Довлатова имя его старшего современника, знаменитого писателя А.И. Солженицына. Наша картотека насчитывает 88 контекстов, в которых содержится исследуемое прецедентное имя, использованное в художественных, публицистических и эпистолярных текстах Довлатова.

По воспоминаниям коллег, Довлатов уважал Солженицына (хотя и позволял себе иронические высказывания о нём), отправлял ему свои книги. Реакция последовала с опозданием: «Пока Сергей был жив, Солженицын не отвечал. Теперь, говорят, прочёл и хвалит» [2, с. 43]. Таким образом, прецедентное имя Солженицын в текстах Довлатова не отражает коннотативного ореола, обусловленного личным контактом.

Современники Солженицына характеризуют его личность как феномен, овеянный легендами, но пишут также о том, что отношение к нему как к кумиру после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» с течением времени сменилось разочарованием: «В те годы Солженицын был идиолом читающей публики» [1]; «...Поразительный феномен, кажется, не имеющий никаких аналогий в мировой литературе: мир не знал такого разрыва между высотой стремительного взлёта и глубиной падения, такой силой обольщения и такой горечью разочарования» [10].

Довлатов транслировал отношение представителей своего поколения к Солженицыну с помощью различных способов оформления номинации. Один контекст, передающий речь безвестного литератора, включает свидетельствующую об уважении полную

номинацию Александр Исаевич Солженицын: *Худой, бородатый старик почти кричал: <...> Я должен передать кое-что Александру Исаевичу Солженицыну... <...> Я разрешаю Солженицыну опубликовать без купюр мою фронтовую поэму «Люська»* (Заповедник) [5, т. 2, сс. 317–318]. Два контекста содержат отражающую субъективную позицию сокращённую формулу именованного Солж со ссылкой на авторство И. Бродского: *Солжа, если что, позовут домой, а меня – нет* (письмо к Т. Зибуновой) [9]. В контексте, окрашенном авторской иронией по отношению к Солженицыну и его поклонникам, писатель фамильярно назван Исаичем: *Известно, между прочим, что Зарецкий тайно ездил к Солженицыну. Был удостоен разговора продолжительностью в две минуты. Поинтересовался, что Исаич думает о сексе? Получил ответ, что «всё сие есть блажь заморская, антихристова лжа...»* (Иностранка) [5, т. 3, с. 295]. Причина выбора такой номинации, возможно, заключается в желании Довлатова соблюсти свой художественный принцип: избежать повтора первых букв слов в пределах одного предложения (*Солженицын, секс*). Однако показателен сам факт употребления автором фамильярной формы имени, невозможной в речи *адептов* Солженицына при их почти религиозном поклонении писателю – *пророку* (*пророком* Солженицын назван в четырёх контекстах): *Кто смел замахнуться на пророка?! Его особа священна! Его идеи вне критики!..* (Ремесло) [5, т. 3, с. 169]; *Как умел, противоречил благоговейным и туповатым адептам великого Солженицына* (Марш одиноких) [5, т. 2, с. 568]. Сочетание лексем с книжной и разговорной окраской,

характеризующих почитателей творчества Солженицына, свидетельствует о критическом отношении Довлатова к ним: *адепт* (книжн.) – ‘приверженец, последователь какого-н. учения’ [8, с. 26]; *благоговейный* (высок.) – ‘исполненный благоговения’, *благоговение* (высок.) – ‘глубочайшее почтение’ [8, с. 55]; *туповатый* – см. *тупой* – ‘лишённый острого восприятия, несообразительный, а также свидетельствующий об умственной ограниченности’ [8, с. 814].

Несовпадение мнений о Солженицыне было причиной ссоры друзей, что эксплицировано средствами предикации: ...*Лосев (с которым я давно в разладе из-за моей недооценки Солженицына – здесь это бывает)...* (письмо к А. Арёву) [4, с. 337]. Довлатов не идеализировал Солженицына: признавая масштаб личности писателя, называл его *великим*, но неоднократно указывал на необходимость объективной оценки идей, изложенных в текстах Солженицына. 13 контекстов с прецедентным именем включают лексему *критика* и однокоренные единицы: *Мы восхищаемся Солженицыным и потому будем критически осмысливать его работы* (Марш одиноких) [5, т. 2, с. 491]. Это заявление сделано от лица свободомыслящих эмигрантов довлатовского поколения (*мы*); о восхищении Солженицыным самого Довлатова в прошлом свидетельствует контекст, содержащий ироническое сравнение: *Всех тех людей в Нью-Йорке, которые не воруют, я знаю по именам и восхищаюсь ими так же, как в Союзе восхищался Солженицыным* (письмо к Владимовым) [4, с. 290]. Довлатов включил писателя в число недоступных кумиров: *Потом были другие ку-*

миры. Синявский... Наконец, Солженицын... <...> Синявский был недостижим. Солженицын – тем более (Литература продолжается) [5, т. 4, с. 349].

Портрет Солженицына в доме свидетельствовал не только о восторженном отношении к писателю, но и о принадлежности владельца к кругу диссидентов и сочувствующих им: «Солженицын был очень опальный, поэтому каждый держатель портрета не только выражал своё восхищение им, но и сам как бы демонстрировал приобщение к подвигу» [1]. В тексте повести «Наши» портрет Солженицына является знаком *умеренного диссидентства* дяди автобиографического героя: *У изголовья его висел небольшой портрет Солженицына. Когда приходили гости, дядя его снимал...* (Наши) [5, т. 2, с. 370], в «Чемодане» – отличительной чертой инакомыслящих:

– *Вам можно доверять. Я это сразу поняла. Как только увидела портрет Солженицына.*

– *Это Достоевский. Но и Солженицына я уважаю...* (Чемодан) [5, т. 3, с. 435].

В «Филиале» огромный портрет писателя охарактеризован одним из эмигрантов как ценный подарок: *Катастрофа! Я вёз участникам форума ценный подарок. Портрет Солженицына размером три на пять. Я вёз его на крыше моей «тойоты». В районе Детройта портрет отвязался и улетел* (Филиал) [5, т. 4, с. 122]. В контексте проявляется ирония автора.

Закономерно, что Солженицын, которого уважали инакомыслящие, вызывал ненависть и зависть носителей советской идеологии. Их негативная оценка передана в контекстах, воссоздающих речь Фурцевой (*Почему у*

Ростроповича на даче живёт **этот кошмарный Солженицын?! (Записные книжки)** [5, т. 4, с. 216]) и Катаева (...**Фотографии этого типа** красуются на первых страницах западных газет, а я, Катаев, всю жизнь служил режиму, коверкал свои произведения... (Чернеет парус одинокий) [5, т. 4, с. 357]). Имя **Солженицын** употреблено с указательным местоимением **этот** и оценочными лексемами **кошмарный, тип**, выражающими резко негативное отношение.

Довлатов в публицистическом тексте довёл до абсурда расчётливость **функционера и приспособленца**, который хотел извлечь выгоду из своего восхищения Солженицыным при изменении государственного строя: **В записках говорится, как редактор журнала наедине с Лосевым перевозил Солженицына.** <...> – **Я у Лосева справку возьму...** <...> **Что я восхищался Солженицыным.** <...> **И буду я по-прежнему редактировать журнал** (Уроки чтения) [5, т. 4, с. 309–310].

В пяти контекстах Довлатов сопоставил себя (или автобиографического героя) с Солженицыным: **Литературным власовцем заделался не хуже Солженицына** (Заповедник) [5, т. 2, с. 314]. В реплике майора Беляева, представителя карательной системы, содержится негативнооценочная характеристика **литературный власовец**, которую получил Солженицын во время кампании против него [10].

Семь контекстов отражают противопоставление Солженицына и Довлатова, указывают на различия в их судьбах и масштабах таланта (Довлатов объясняет отличие своей «тюремной повести» «Зона» от книг Солженицына): **Разумеется, я не Солженицын.**

Разве это лишает меня права на существование? <...> Солженицын был заключённым. Я – надзирателем. <...> **Поверьте, я не сравниваю масштабы дарования. Солженицын – великий писатель и огромная личность. И хватит об этом** (Зона). Использование парцелляции «приводит к дополнительной актуализации ремы, позволяет автору сконцентрировать внимание читателя на важном фрагменте текста...» [3, с. 23].

Анализ текстов различных жанров показал значимость прецедентного имени **Солженицын** в структуре языковой личности С.Д. Довлатова. Запечатлённое Довлатовым в текстах отношение к А.И. Солженицыну изменилось с течением времени от восхищённого до критического, что было типичным для свободомыслящих представителей творческой интеллигенции, современников Солженицына, и эти изменения сказались на коннотативном фоне прецедентного имени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Войнович В. Портрет на фоне мифа [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/PROZA/WOJNOWICH/portret> (дата обращения: 14.02.2014).
2. Генис А. Довлатов и окрестности // Генис А. Частный случай: филологическая проза. – М.: АСТ: Астрель, 2009. – С. 15–216.
3. Добрычева А.А. Парцелляция осложняющих компонентов предложения в прозе Сергея Довлатова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 6. – С. 19–23.
4. Довлатов С.Д. Жизнь и мнения. Избранная переписка. – СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. – 384 с.
5. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука-классика, 2006.

6. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – 7-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – 917 с.
9. Письма С.Д. Довлатова к Т. Зибуновой [Электронный ресурс]. – URL: <http://zibunova.narod.ru/> (дата обращения: 14.02.2014).
10. Сарнов Б. Феномен Солженицына [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.rus.ec/b/421612/read> (дата обращения: 14.02.2014).